

С О О Б Щ Е Н И Я

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ КОММУНАРА ЛЕО ФРАНКЕЛЯ

Пьер Ангран

Организатор рабочего движения в Париже в конце 60-х годов прошлого века, член Французской секции Международного товарищества рабочих Л. Франкель являлся активным деятелем Парижской Коммуны. Он был делегатом Рабочего правительства по труду, промышленности и обмену и сражался в Париже против версальских войск. Несмотря на ранение, Лео Франкелю удалось скрыться и через Восточную Францию добраться до Швейцарии¹.

Здесь правительство Тьера напало на его след. Генеральный прокурор Лиона, ссылаясь на донесения полицейских агентов, довел до сведения министра юстиции Дюфора, что «Лео Франкель, один из членов Центрального комитета Интернационала и мятежной Коммуны, нашел убежище в Женеве, где он скрывается под фамилией

Брант или Бранд»². 26 июня 1871 г. Дюфор направил министру иностранных дел Жюлю Фавру два ордера на арест Менкарского³ и Франкеля, «виновных в преднамеренных поджогах, квалифицированных кражах, незаконном лишении свободы французских граждан, злодеяниях и убийствах».

По мнению лионского прокурора, арест Франкеля на территории Швейцарии не должен был встретить серьезных препятствий. И все же прокурор Лиона и Дюфор опасались преждевременно поднять тревогу. Им было известно, что жители Женевы сочувственно относились к бежавшим демократам, а кантональные власти намерены были охранять право убежища; же-

¹ Магда Араньоши рассказывает в своей превосходной биографии Лео Франкеля (Будапешт. 1952) об этом трудном побеге. При этом она использует материалы статьи, которую Франкель послал в июле 1871 г. в «Vorboten» (орган Интернационала для секции швейцарцев, говорящих на немецком языке; он издавался в Женеве). Когда Франкель был арестован полицейским в Мо, он бежал, используя свое знание немецкого языка; его сопровождала одна из участниц Коммуны, организатор движения парижских женщин, чье имя он, конечно, скрывает (возможно, это была Поль Минк. Впрочем, М. Араньоши высказывает предположение, что это была русская революционерка Е. Л. Тумановская (Дмитриева). В Келе изгнанники расстались; в то время как его спутница пыталась через Гамбург добраться до Англии, Франкель, минуя Баден, направился в Констанцу, затем в Куару в Швейцарии. Оттуда он, вероятно, перебрался через Тифен Капель, Самаден и Альбульский перевал в Тризонах в Белладжо (Италия). Однако нам кажется правдоподобным, что Франкель избегал говорить о своем пребывании в Швейцарии, и в частности в Женеве, чтобы не вызвать враждебного отношения к праву убежища в момент, когда город у Леманского озера стал важным пристанищем коммунаров.

² Здесь и далее мы цитируем документы, обнаруженные нами в Национальном архиве Франции, фонд министерства иностранных дел, картон № 76. Papiers de la guerre de 1870—1871. Insurrection de 1871. Dossiers particuliers. Correspondance, Extraditions 1871—1872. В этом картоне собраны в беспорядке, без описи различные письма и документы, лишенные пагинации. Картон снабжен пометкой «Contentieux». Он содержит множество досье. В одном из них содержится «Переписка с министром юстиции, министром внутренних дел, военным министром и префектом полиции». В этом досье собраны письма с июня по август 1871 года. Эта переписка имеет отношение ко многим коммунарам. Там же находятся цитируемые ниже письма, касающиеся Лео Франкеля и Менкарского. Другое досье, того же картона № 76, озаглавлено «Франкель Леон» (!!) и содержит переписку между Дюфором, Деказом и Апоньи с 6 декабря 1875 по 22 ноября 1876 г. (15 писем), которые мы цитируем ниже. Ни одно из этих писем не имеет пагинации.

³ Шарль Жюль Менкарский — брат Поль Минк (урожденной Менкарской), того же года рождения, что и Франкель (1844). Был членом парижской секции Интернационала и делегатом по пропаганде в провинции, служил офицером Национальной гвардии во время Парижской Коммуны. Каким путем он добрался до Женевы, нам неизвестно.

невцы гнушались стать гончими версальцев, и, следовательно, надлежало действовать внезапно и скрытно. Поэтому надо было «тщательно произвести» розыск Франкеля и «уведомить женевскую полицию лишь в последний момент, перед самой операцией».

Если прокурор не знал адреса Франкеля, то он знал, по крайней мере, что последний «скрывается у весьма известного в Женеве журналиста по фамилии Беккер». Однако, добавлял представитель юстиции, «Франкеля, повидимому, своевременно предупредили и он сможет избежать ареста, на производство которого уже выдан ордер»⁴. Дюфор, передавая эти сведения Ж. Фавру, в заключение писал: «Благоволите принять необходимые меры для производства со всей тщательностью

⁴ У нас нет возможности проверить утверждения прокурора и его агентов. Если точно следовать, как это делает Магда Араньошши (стр. 59), свидетельству самого Франкеля о его пребывании в Швейцарии в статье, написанной им для «Vorboten» в июле 1871 г., свидетельству, в котором, вероятно, умышленно обходятся молчанием некоторые факты и обстоятельства, он не проезжал через Женеву в июне 1871 г.; точнее, Франкель не упоминает о каком-либо пребывании в этом городе. Однако представляется весьма правдоподобным, что он пожелал захватить в Женеву к бывшему деятелю Интернационала, старому другу Зорге — Иоганну Филиппу Беккеру, которого знали также К. Маркс и Ф. Энгельс. Беккер был душой «Vorboten»; в июне 1871 г. и в последующие месяцы он посвятил себя спасению коммунаров. 21 июля Беккер писал Зорге, что не мог написать ему раньше, так как был всецело поглощен этой задачей: «На нас здесь свалилось больше, чем можно выдержать, и самое существенное вдобавок легло на мои стариковские плечи... После падения Коммуны опять понадобились новые усилия, новые жертвы и новый риск, чтобы выволить как можно большее число из преследуемых побежденных. И в какой ужасной нужде прибыли сюда эти «грабители»! Некоторые из них — с женами и детьми вплоть до грудных младенцев... А версальское правительство обвиняет коммунаров в «уголовном преступлении» и на основании договора со Швейцарией требует их выдачи. Союзные и кантональные правительства ведут себя двусмысленно. Было уже произведено два ареста, и есть много оснований опасаться выдачи. Итак, следует скрывать их здесь, пока это будет возможно, или отправлять людей, уже спасенных ценою таких жертв, в новый путь, на сей раз в Англию» («Correspondance Marx — Engels et divers, publiée par F. A. Sorge». Ed. Costes. T. 1, p. 35—36. См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы». М. 1942, стр. 218—219).

и сугубыми предосторожностями новых розысков этой личности».

Жюль Фавр тотчас же послал представителю версальского правительства в Швейцарии маркизу Шаторенару ордера на арест Менскарского и Франкеля (28 июня 1871 г.). Одновременно он дал собственноручно составленную телеграмму Дюбрюэлю, французскому консулу в Женеве (и одному из своих агентов, проявивших наибольшее рвение в травле коммунаров), в которой повторил сведения, доставленные Дюфором. Он заканчивал ее приказом: «Заставьте снова разыскать его и добейтесь его ареста».

Таким образом, версальское правительство, движимое классовой ненавистью к коммунарам, пыталось навязать свою волю Швейцарии и распространить репрессии на швейцарскую территорию.

Союзные и кантональные правительства Швейцарии вели себя, как указывал в цитированном выше письме И. Ф. Беккер, «двусмысленно». По требованию французских властей они еще до 21 июля 1871 г. произвели два ареста, и имелись основания опасаться выдачи арестованных версальским палачам. Однако в вопросе о выдаче Франкеля и Менскарского правительство Тьера натолкнулось на неподвижные препятствия. 1 июля 1871 г. федеральное правительство получило ноту Ж. Фавра, к которой были приложены выданные следователем при трибунале департамента Сены Бланом де Кормье ордера на арест двух коммунаров, поляка и венгра. 5 июля Федеральный совет ответил Шаторенару, что эти ордера переданы правительству Женевского кантона. Он добавил, что ему рекомендовано «подвергнуть аресту указанных лиц, которые, по имеющимся сведениям, скрываются в Женеве, и наложить секвестр на найденные при них бумаги. В случае ареста эти лица будут подвергнуты допросу в соответствии с предъявляемыми им обвинениями». Протокол допроса будет передан в Берн. Вместе с тем федеральное правительство обратило внимание посла на то обстоятельство, что ордера на арест не соответствовали предписаниям договора об экстрадиции (выдаче). В них «не обозначены ни имена, ни возраст, ни место рождения, ни приметы преследуемых лиц, ни вообще какие-либо указания, позволяющие разыскать и опознать их». Это означало, что Берн и Женеве не начнут столь поспешных репрессий, не согласны с теми грубыми

нарушениями юридических норм и международных соглашений, к которым пришло Версальское правительство, и не только не считают ордера пригодными практически, но и ставят под сомнение их юридическую силу. Поэтому швейцарские власти просили Шаторенара «дать распоряжение о дополнении ордеров в соответствии с условиями договора».

Особенно важно отметить, что Федеральный совет Берна не принял безоговорочно тезис Ж. Фавра о коммунарах и деятелях Интернационала как «уголовных преступниках», которые как таковые подпадают под действие договора о выдаче, заключенного между Францией и Швейцарией в июле 1869 года.

В своем письме французскому послу федеральное правительство отметило, что «события, имевшие место в Париже с 18 марта до подавления Коммуны, носят политический характер», и, следовательно, если даже признать, что «те или иные акты могут при этом иметь характер уголовных преступлений», совет должен запросить, «какие именно действия инкриминируются обвиняемым Менскарскому и Франкелю, чтобы иметь возможность установить, следует ли отнести эти действия — и в какой мере — к разряду политических преступлений». Таким образом, Берн и Женева оставляли за собой право на роль арбитра, который будет решать вопрос о том, обоснованы ли обвинения, предъявленные версальцами, или же «преступления» носят политический характер. До полицейской операции, о которой мечтали версальские министры, было еще далеко.

Получив ноту президента Конфедерации Шенка, Жюль Фавр 15 июля упрекнул Дюфора за «чрезмерно упрощенное составление ордеров на арест». Здесь имеют место, откровенно писал он, «обычай и привычки, от которых следует раз и навсегда отрешиться, по крайней мере в наших отношениях с иностранными державами»⁵. Фавр вынужден был признать обоснованность замечаний Шенка. В ордерах действительно были, как он выразился, «досадные» пробелы: они не содержали «решительно никаких данных, которые позволяли бы разыскать и опознать обвиняемых».

Дюфор почувствовал себя задетым и пустился в полемику с Фавром, причем ци-

нично заявил в письме от 21 июля, что «наше законодательство не требует соблюдения всех этих формальностей». Сей глашатай версальской юстиции подчеркнул, следовательно, что не намерен считаться со стеснительными нормами законности. К тому же «в обычных делах пренебрегают такими формальностями», писал далее хранитель государственной печати (законность обходит, когда она становится помехой!). Но поскольку швейцарские власти «так придирчивы», Дюфор указывал новое средство добиться ареста и выдачи коммунаров. «Разъяснения, — доверительно сообщал он Ж. Фавру, — оправдывающие требование выдачи, могут быть даны не в самих ордерах на арест... а либо в дополнительных нотах, либо посредством последующего ознакомления швейцарских властей с материалами следствия». Иначе говоря, Дюфор сперва мог предъявить ордер на арест с требованием выдачи, а потом оправдать этот ордер и это требование. Сначала людей посадят в тюрьму, а потом, на досуге, объяснят, если понадобится, на каком основании их подвергли заключению!.. Таков прием Дюфора, превращавший, в сущности, свободу личности в своего рода временную привилегию⁶.

Таким образом, министр намеревался задним числом (просто для того, чтобы удовлетворить «желание Федерального совета в том, что касается Менскарского и Франкеля») дать разъяснения по тем пунктам, которые, по мнению швейцарских властей, нуждались в этих разъяснениях, и послать сколько угодно «дополнительных нот» и материалов в подтверждение ордеров на арест. Но он предостерегал Жюля Фавра от всякого попустительства. Он советовал ему отвергать всякую критику в адрес «наших ордеров», не принимать во внимание никаких замечаний по этому поводу: было бы «ребячеством», писал Дюфор, требовать от судьи «точных сведений о беглеце».

В то время как Дюфор готовил арсенал «вещественных доказательств», а Берн и Женева настаивали на своих возражениях, пытаясь таким образом отстоять свою

⁶ Метод Дюфора не забыт во Франции. Так, недавно (в октябре 1952 г.) были произведены аресты журналистов по ордерам, выданным без всяких к тому оснований, обыски, конфискации личных бумаг, сопровождаемые взломом сейфов полицией по приказу министра, одержимого навязчивой идеей о повсеместных заговорах ниспровергателей основ.

⁵ Как известно, во Франции не требовалось столько формальностей для расправы с коммунарами.

юридическую и национальную независимость, Франкель исчез, вероятно, преудрежденный своими женевскими друзьями, и в первую очередь верным Беккером. Вскоре⁷ он направился в Германию и через Бельгию достиг Англии⁸. Ф. Энгельс в письме к Маркусу от 23 августа 1871 г. приветствовал прибытие Франкеля в Лондон⁹.

Лео Франкель вновь принял активное участие в международном рабочем движении.

⁷ Поскольку о пребывании Франкеля в Белладжио можно судить лишь по письму, якобы отправленному оттуда в июле 1871 г. и адресованному «Vorbote» (Франкель описывает в нем во всех подробностях обстоятельства своего прибытия на озеро Комо), мы позволим себе высказать предположение, что это письмо не может считаться тем достоверным свидетельством, за какое его принимают. Приехать в Белладжио, то есть в Италию, означало бы для Франкеля перебраться через новую границу — предприятие, всегда затруднительное для беглеца, — притом через границу, охранявшуюся по приказу Ланцы усиленными нарядами королевских карабинеров. («Министром внутренних дел были даны строжайшие предписания принять самые энергичные меры к тому, чтобы закрыть доступ во владения Его Величества всем без изъятия иностранцам, не имеющим надлежащих документов... С этой целью были усилены пограничные посты». — Дешпа Висконти Веноста Шуазелью, Флоренция, 31 мая 1871 года. (Archives Affaires Etrangères — Correspondance politique: l'Italie. Vol. 32). Но со стороны Франкеля было бы превосходным маневром заявить на страницах женевской «Vorbote», что он уже не находится на швейцарской территории; этим он вводил в заблуждение противников, которые угрожали обнаружить его местопребывание. По нашему мнению, Франкель, скрывавшийся при помощи Беккера в окрестностях Женевы, вряд ли покидал берега Леманского озера.

⁸ В Остенде Франкеля выследил один из полицейских агентов. Бельгийское правительство, и в частности Бердан, возглавлявший ведомство общественной безопасности, тесно сотрудничало с версальцами в преследовании коммунаров, и порты находились под строгим надзором полиции. Магда Араньошши очень увлекательно рассказывает (стр. 60, 61) о том, как Франкель ускользнул от своего преследователя: одна актриса «Комеди франсез», также отъезжавшая в Англию, узнала Франкеля; она взяла его под руку, и они гачали громко говорить о своих детях и о своих театральных планах. Обманутый полицейский перестал следить за Франкедем.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 407.

Год спустя Франкель в качестве делегата участвовал в работах Гаагского конгресса Интернационала, проходившего со 2 по 6 сентября 1872 года. Его присутствие было отмечено шпиками версальского правительства, с полного одобрения правительства Голландии наводнившими в эти дни Гаагу и шнырявшими вокруг здания, где заседал Конгресс¹⁰. В полицейском донесении от 5 сентября Франкель упомянут в числе бывших членов Коммуны¹¹. Маркиз де Габриак, пристально следивший за дебатами, развернувшимися на Конгрессе, высказал пожелание, чтобы делегаты «свергли Карла Маркса» («если бы Лондонский Совет был распущен, Интернационал утратил бы свой характер и свою силу») ¹². Но он не рискнул больше требовать выдачи коммунаров. После беседы с голландским министром Ван де Путтом об опасностях, которыми в глазах маркиза чревато развитие рабочего движения, Габриак констатировал: «Ясность и определенность этих заявлений помешала мне предъявить какое-либо требование выдачи таких членов Интернационала, как Дерер, виновных в уголовных преступлениях, к которым применимо наше соглашение. Хотя голландское правительство желало

¹⁰ Телеграмма осведомителя из Гааги от 2 сентября 1872 г., 4 ч. 12 м. вечера, гласит: «Делегаты Интернационала собрались сегодня утром на подготовительное заседание под председательством Карла Маркса. Как утверждают, их было около 50 человек, в том числе Ранвье и Дерер. Завтра состоится открытое заседание... Я немедленно и весьма секретно связал с местной полицией нашего комиссара полиции, прибывшего вчера вечером со своими агентами... Габриак» (Archives Affaires Etrangères: Correspondance politique. Pays Bas. Vol. 671).

¹¹ Список, представленный полицейским агентом, гласит: «Дерер (бывший член Коммуны); Лео Франкель (также, венгр); Серрайе (также); Ранвье (также); Вайян (также); Курне (также); Арно (также, член Центрального Комитета); Лонге (также), зять К. Маркса; Дюпон Эжен (основатель Интернационала); Поль Лафарг, зять К. Маркса; Ле Муссю, бывший комиссар Коммуны; Лефевр Ронсье, бывший адмирал Коммуны. Англичане послали на Конгресс своих самых известных социалистов, членов Генерального совета товарищества: Эккарюса, Хейлза, Энгельса, Мак-Доннальда (Мак-Доннелла? — П. А.), Эппльгарта, Германа...». (Там же; Appexe № 2 a la dépeche politique de la Haye, 6 septembre 1872, № 60).

¹² Габриак — Ремюза. Гаага. 6 сентября 1872 г. (Там же, депеша № 60).

прибытия наших агентов и с первого момента облегчало их задачу, я попрежнему убежден, что требование выдачи уязвило бы кабинет министров и оскорбило бы национальное чувство. Если бы мы имели дело с открыто консервативным министерством, мы могли бы, быть может, попытаться выдвинуть такое требование, но при наличии весьма либерального кабинета мы потерпели бы неудачу... Я считаю, что, ограничившись наблюдением за Интернационалом и не направляя Гаагскому кабинету никаких замечаний и протестов, правительство (Версальское) проявило благоразумие, за которое здесь ему были признательны».

Убедившись в невозможности добиться выдачи Франкеля (и его товарищей), Версаль не отказал себе в удовольствии хотя бы заочно расправиться с ним, заставив 6-й Военный совет вынести ему смертный приговор (19 ноября 1872 года). Приговор был «обоснован» следующими «обвинениями»: Франкель отправлял командную должность во время мятежа; он был «соучастником убийства аркейских доминиканцев» и соучастником поджога мануфактуры Гобеленов¹³. Версальское правительство надеялось, что при благоприятных условиях приговор будет приведен в исполнение.

Такие условия, повидимому, сложились через три года, когда Лео Франкель, вернувшись в Австро-Венгрию, возобновил свою организационно-политическую работу по сплочению сил рабочего класса. 28 октября 1875 г. он присутствовал на рабочем собрании в Вилер-Нейштадте. Следившее

¹³ Э. Терсан (E. Tersen) в своей работе «La carrière militante de Léo Frankel» («Cahiers Internationaux», mai, 1950, № 16, стр. 42) справедливо указывает на несостоятельность этих обвинений. Франкель сражался у Бастилии, тогда как доминиканцы были убиты у Итальянских ворот (см. Lissaga y. Histoire de la Commune. 1929, стр. 424). Раненый, он был перенесен на правый берег Сены, когда во время боя на Бют-о-Кай загорелась мануфактура Гобеленов, расположенная на левом берегу. Однако Терсан добавляет, что «французское правительство потребовало от английского правительства выдачи Франкеля» (там же, стр. 42). Последнее утверждение Терсана не подтверждается, впрочем, ни документами в делах министерства иностранных дел, ни дипломатической перепиской герцога де Бройля, посла версальского правительства в Лондоне.

за его революционной деятельностью австрийское правительство приняло решение о его аресте и выдаче французским властям! Оно полагало, что если правильно повести дело, то можно будет арестовать Франкеля в Вене и тотчас же выдать его версальцам. 4 декабря полицей-президент Вены телеграфировал парижскому префекту полиции: «Просьба сообщить, обвиняется ли бывший член Коммуны Лео Франкель в уголовных преступлениях, и прислать нам описание его примет». 6 декабря был послан новый запрос. Венская полиция телеграфировала австрийскому генеральному консулу в Париже, что ею были запрошены сведения о Франкеле у парижской полиции, но ответ еще не получен: «Просьба справиться в префектуре и телеграфно сообщить мне, какие обвинения тяготеют над Лео Франкелем... и, главное, обвиняется ли он в уголовных преступлениях». Итак, были приняты крайне спешные меры; обычный дипломатический путь был обойден и заменен прямым обращением полиции к полиции.

Префект Рено консультировался с министром иностранных дел Деказом. Он предложил на рассмотрение заготовленный текст ответа на запрос начальника венской полиции. «Если вы ничего не имеете против,— писал он министру,— этот ответ будет направлен в Вену». Деказ поручил ответить, что ничего не имеет против посланки префектурой полиции записки австрийским властям с указанием мотивов осуждения и описанием примет Франкеля. 7 декабря 1875 г. такая записка была передана по его просьбе генеральному консулу Австрии.

9 декабря в Вене Франкель был арестован. 16 декабря австрийский генеральный консул в Париже известил об этом аресте префектуру полиции. Разумеется, это уведомление было сделано в расчете на то, что Франкель будет выдан версальцам и смертный приговор будет приведен в исполнение. Понятно, что централистское правительство Ауэрсперга, служившее интересам крупной буржуазии (преимущественно германского происхождения), хотело избавиться от активного деятеля социалистического движения, будившего самосознание рабочего класса и призывавшего его к борьбе.

Но правительство Венгрии, весьма ревниво относившееся ко всяким посягательствам императорских властей на его «права» и их вмешательству в его компетенцию, заняло иную позицию. Венгерская печать

начала кампанию в защиту права убежища. Газета «Pesti Naplo» выступила против действий правительства Ауэрсперга и обрушилась на Вену. «Ноп», орган, инспирируемый правительством Тиссы, даже использовал арест Франкеля, чтобы показать себя защитником венгерской национальности. 19 декабря 1875 г. «Ноп» писал, что нужно «спасти молодого человека, на долю которого выпало столько испытаний. Мы у себя в стране придерживаемся либеральной концепции в вопросе о политических осужденных»¹⁴. Правительство Тиссы потребовало по телеграфу передачи ему Франкеля, который как венгр был подсуден-де лишь венгерским судам. Это должно было, по крайней мере, помешать его выдаче версальцам.

В буржуазной печати развернулась оживленная полемика по вопросу о том, имеет ли право австрийское правительство выдать Франции венгерского гражданина и является ли Франкель вообще уголовным преступником или политическим эмигрантом. Маневр Ауэрсперга и Андраши, таким образом, был сорван или по крайней мере отсрочен.

• Но решающее значение для спасения Франкеля имели результаты всеобщих выборов, проходивших во Франции с 20 февраля по 5 марта 1876 года. Впервые одержала верх республиканская партия; монархическая реакция была побеждена¹⁵.

Тем не менее австрийское правительство

¹⁴ Мы следуем здесь работе Магды Араньошци (стр. 91) и выражаем горячую признательность Венгерскому институту в Париже, предоставившему нам возможность опубликовать перевод этих выдержек.

¹⁵ В палате депутатов насчитывалось приблизительно 360 республиканцев и 140 консерваторов-монархистов. Правда, в сенате, дополненном двухстепенными выборами при наличии 75 несменяемых членов, реакционеры — приверженцы «нравственного порядка» — сохранили за собой слабое большинство, и Мак-Магон остался в Елисейском дворце. Однако результаты выборов произвели сильное впечатление в Австро-Венгерской монархии. «Ваши выборы очень плохи», — сказал Франц-Иосиф французскому послу в Вене графу де Вою. Такое же беспокойство выразил Андраши. Озабочены были и «серьезные деловые круги, опасавшиеся возможных осложнений, которые, сделав для французских контрагентов более рискованным всякое помещение капиталов, оказали бы существенное влияние на венский рынок, где и без того уже так пошатнулась коммерческая активность» (Вою — Деказу, 2 марта 1876 г., № 19-бис) (Archives Affaires Etrangères: Correspondance politique. Autriche. Vol. 516).

попыталось прибегнуть к новому маневру, чтобы поставить в затруднительное положение французское правительство в такой момент, когда «нравственный порядок» развалился и французский народ дал отпор клерикальной и монархической реакции. 1 марта 1876 г. — после первого тура выборов, который уже принес победу республиканцам, — посол Австро-Венгрии Аппоньи направил новую депешу герцогу Деказу¹⁶; он сообщил в ней, что Франкель арестован в Вене и будет передан венгерским властям, которые потребовали этого, поскольку арестованный является гражданином их страны. «Чтобы со знанием дела решить в соответствии с просьбой французского правительства вопрос о выдаче этого обвиняемого», посол от имени министра юстиции Королевства Венгрии запросил у Деказа «подробную информацию о существе преступлений Лео Франкеля, а равным образом материалы процесса, устанавливающие доказательства его виновности».

Эта депеша Аппоньи заслуживает известного внимания. Она отличается развязным тоном и даже носит характер требования. Аппоньи ссылается на условия договора о выдаче с такой определенностью, которая не оставляла места для каких-либо промедлений. Французское правительство просит выполнить эти условия безотлагательно. Но особенно примечательно утверждение, будто «французское правительство потребовало выдачи» Франкеля. Герцог Деказ в то время еще не требовал такой выдачи от правительства Австро-Венгрии. Утверждение это делалось для того, чтобы косвенным образом побудить французское правительство потребовать выдачи Франкеля. С другой стороны, если бы Деказ уклонился от шага, который ему внушали, Аппоньи получил бы основание заявить, что французское правительство — новое правительство, имеющее в его глазах слегка радикальную окраску, — охотно предоставляет революционерам действовать в других державах и, в сущности, поощряет эту деятельность в этих государствах — образ действия, явно недружелюбный по отношению к ним и наносящий им ущерб, что легко было использовать против Франции, только что продемонстрировавшей свое отвращение к «нравственному порядку», клерикализму и реакции.

¹⁶ Австрийская политическая корреспонденция: Аппоньи — Деказу. 1 марта 1876 г., депеша № 430 (там же, vol. 516)

Деказ, оставшийся министром иностранных дел в образованном Мак-Магоном 10 марта кабинете, в котором пост председателя совета министров занимал старый Дюфор, а пост военного министра — версалец Сиссей, справился об обстоятельствах дела Франкеля у префекта полиции Вуазена. Он хотел выяснить, не предприняло ли министерство внутренних дел без его ведома каких-либо шагов с тем, чтобы добиться выдачи Франкеля. Из полученного им доклада от 17 марта 1876 г.¹⁷ выяснилось, что ни министерство внутренних дел, ни министерство юстиции не требовали выдачи Франкеля. Поэтому 20 марта Деказ ответил графу Аппоньи, что, «видимо, имело место недоразумение, поскольку французское правительство не требовало выдачи Франкеля...». Затем, напомнив об обмене телеграммами между префектом полиции и австрийскими властями, Деказ уточнил, что «это сообщение имело своей единственной целью доставить господину полицей-президенту Вены сведения, которые он непосредственно запросил». Таким образом, французское правительство не осмелилось воспользоваться случаем, чтобы потребовать выдачи коммунара, захваченного австрийской полицией.

Чем же объясняется такой неожиданный образ действий французских властей? Очевидно, он был связан прежде всего с тем обстоятельством, что французская классовая юстиция, вынесшая Франкелю смертный приговор, не позаботилась обставить этот акт вопиющего произвола хотя бы каким-нибудь подобием юридического «обоснования». Действительно, когда Деказ 31 марта 1876 г. обратился к ведомству юстиции, которое возглавлял Дюфор, и запросил, «не препятствуют ли какие-либо особые соображения тому, чтобы запрашиваемые сведения были даны», а Дюфор поспешно заявил, что нет «каких-либо особых соображений, которые могли бы препятствовать передаче досье Франкеля послу Австро-Венгрии», Деказ откровенно высказал свои опасения. В письме к Дюфору от 17 мая он заявил прежде всего, что «судебное преследование и последующее заочное осуждение Франкеля касаются фактов, из которых одни могут рассматриваться как политические, а другие — как относящиеся к разряду обычных уго-

ловных преступлений». Более того, обстоятельство, при которых было возбуждено судебное преследование, особое судопроизводство и сама квалификация преступлений в известных пунктах обвинения «в совокупности придают делу по существу политический характер». Надо ведь учесть, разъяснял он, что при составлении многих документов, фигурирующих в деле, «не имелось в виду предание их гласности и тем более ознакомление с ними иностранного правительства... Речь идет о заочном приговоре, вынесенном за акты соучастия в преступлениях, причем эти акты ясно не определены».

В заключение Деказ предложил отклонить запрос австро-венгерских властей, поскольку «большинство инкриминируемых актов не может повлечь за собой судебного преследования» Франкеля в Венгрии.

Письмо Деказа представляет интерес во многих отношениях. Прежде всего в нем отмечается, что обвинение, предъявляемое Франкелю, носит «политический характер» и что «акты соучастия», которые вменяются в вину осужденному, «ясно не определены». Многозначительные признания в устах министра, заявляющего обо всем этом официально при исполнении своих обязанностей! Далее, это письмо позволяет обнаружить глубокое различие между действиями дипломатии в 1871 и в 1876 годах. В 1871 г. в руках Жюлья Фавра дипломатия функционировала как вспомогательное средство военных и полицейских репрессий версальцев. Главной миссией консулов и послов было раскрывать место пребывания и сообщать приметы бежавших коммунаров, добиваться их ареста на иностранной территории и выдачи. В травле коммунаров дипломаты играли роль и ищеек и своры гончих. В 1876 г. после многочисленных поражений, которые потерпела реакция, после февральских и мартовских выборов Деказ думал лишь о том, как уклониться от требования выдачи.

В самом деле, коммунары приобрели положение «политических осужденных»; этим людям общественное мнение, как правило, отдавало должное и требовало для них правосудия. Даже Распайль, старшина новой палаты депутатов, вслед за Наге требовал полной и безусловной амнистии для осужденных коммунаров. Отныне все силы реакции были направлены к тому, чтобы преградить дорогу амнистии.

Если бы в 1871 г. посол иностранной державы сделал предложение Ж. Фавру вы-

¹⁷ Все последующие цитаты взяты из вышеупомянутого досье, помеченного «Франкель Леон» (картон № 76 архива министерства иностранных дел).

дать Франкеля, версалец принял бы его с радостью и признательностью. В 1876 г., когда по внутривосточным причинам Деказу навязывали такую выдачу, он отклонял ее.

Наконец, письмо Деказа знаменательно и в том отношении, что оно свидетельствует о возникновении двух различных тенденций в среде правящей крупной буржуазии; оно указывает на расхождения между двумя концепциями правления. Старый орлеанист Дюфор остался приверженцем полицейских методов тайной и жестокой репрессии; Деказ — аристократ, тесно связанный с кругами крупной буржуазии, придерживавшейся либеральных традиций, более изворотливый, менее жесточенный, использовал более гибкие методы и приспособлялся к формам внешне менее сурового режима. Дюфор во имя вечного священного союза всех правящих классов, сплоченных своей постоянной задачей подавления всякого возмущения рабочих масс, без возражений передавал досье Франкеля австрийской полиции. Деказ, учитывая новые политические условия и особенности дипломатических отношений, отказывался выдать это досье. Он имел, по видимому, в виду внутривосточ-

ческие последствия огласки, которую неизбежно приобрел бы этот жест. В распрю между двумя министрами вмешался премьер-министр (то есть тот же Дюфор, одновременно занимавший пост министра юстиции и председателя совета министров). 3 июня 1876 г. Деказ по его указанию направил поверенному в делах Австрии «в порядке информации» судебное решение по делу Франкеля. Тем временем Франкель, которого австрийские власти нехотя отпустили в Венгрию, прибыл в наручниках в Буду, где его снова посадили в тюрьму. Дело его рассматривалось в королевской курии, и хотя «Magyar Allam», орган клерикальной реакции, изливал свою ненависть к деятелю Коммуны, вопрошая: «Кто приказал убить доминиканцев у Итальянских ворот?», 22 марта 1876 г. Франкель был выпущен на поруки. Пока судебное решение, вынесенное версальцами по делу Франкеля, шло в Вену, а оттуда в Будапешт, он был уже свободен. Документ был возвращен в Версаль 18 ноября 1876 года.

Приговор, вынесенный Франкелю, избличает сговор правящих клик буржуазных государств против одного из видных деятелей международного рабочего движения.